

СВОБОДА ЦЕЛЕЙ И СТРЕМЛЕНИЕ К СВОБОДЕ

Необходимость для человека каждодневно выстраивать линию своего поведения в окружении себе подобных (социальная среда) неизбежно порождает оценку себя и этого окружения. В первом приближении это - сознание меры свободы в осуществлении желаний и целей индивида. Отсюда исток проблемы и ответственности, которая в наше время стала одним из критериев гуманизма политических доктрин и правовой ответственности за свершенные деяния. Свобода неизбежно порождает вопрос: насколько поведение человека в реализации его намерений и целей совпадает с определенными общественными идеалами или же противоречит им. Акцентируя внимание каждый раз на внешней обусловленности поведения людей природной и общественной средой и не уделяя должного внимания соотношению их свободы и возможностей в самореализации личных планов, мы вольно или невольно недооцениваем проблему ответственности личности, значение волевых усилий в поступках и деяниях человека. Теоретическая и практическая потребность объяснить такую модель поведения, когда личность охотно берет на себя ответственность за мотивы своих поступков, но вину за негативные последствия своей деятельности возлагает на внешние обстоятельства, является актуальной задачей современной социальной теории.

Ключевые слова: свобода; цель; стремление к свободе; человек; равенство.

The need for a person on a daily basis to build a line of conduct armed with their own kind (social environment) inevitably gives rise to an assessment of himself and his environment. In the first approximation, this consciousness of freedom of action in carrying out his wishes and goals. Hence the source of the problem and responsibility, which in our time has become one of the criteria of political doctrines of humanism and legal responsibility for the actions and achievements. Freedom inevitably raises the question how a person's behavior in the implementation of his tracings and goals coincide with certain social or contradicts them. Correctly emphasizing external conditionality behavior natural and social environment and not paying enough attention to the relation of his freedom and opportunities for self-realization of his personal plans, we consciously or unconsciously underestimate the problem of personal responsibility, the value of willpower in the actions and deeds of a person. It should be explained in the theory and practice of the individual evaluations why she willingly takes responsibility for his motives and places the blame for the negative consequences of its activities to external circumstances. The social theory of freedom and responsibility is still a lot of «white spots».

Key words: freedom; purpose; desire for freedom; human equality.

Необхідність для людини щодня вибудовувати лінію своєї поведінки в оточенні собі подібних (соціальне середовище) неминуче породжує оцінку себе і цього оточення. У першому наближенні це – усвідомлення міри свободи в здійсненні бажань і цілей індивіда. Звідси витікає й проблема відповідальності, яка в наш час стала одним з критеріїв гуманізму політичних доктрин і правової відповідальності за звершення діянь. Свобода неминуче породжує питання: наскільки поведінка людини в реалізації її намірів і цілей збігається з певними суспільними ідеалами або ж суперечить їм. Акцентуючи увагу кожного разу на зовнішній обумовленості поведінки людей природним та суспільним середовищем і не приділяючи належної уваги співвідношенню їх свободи і можливостей в самореалізації особистих планів, ми мимоволі недооцінюємо проблему відповідальності особистості, значення волевих зусиль у вчинках і діяннях людей. Теоретична і практична потреба пояснити таку модель поведінки, коли особистість охоче бере на себе відповідальність за мотиви своїх вчинків, але провину за негативні наслідки своєї діяльності покладає на зовнішні обставини, є актуальним завданням сучасної соціальної теорії.

Ключові слова: свобода; мета; прагнення до свободи; людина; рівність.

Постановка проблемы. Стремление к свободе старо как мир, но французская революция конца XVIII века придала этому стремлению экспрессию, динамику и социальность. По всеобщему признанию она обрела определение «Великая», поскольку навсегда изменила самосознание людей. Впервые человек вышел за пределы божественной доктрины мира, ощутил себя независимой от сил природы и религии самоценностью и начал самореализацию в земном предназначении. «Свобода – способность человека овладеть условиями своего бытия, преодолеть зависимости от природных и социальных сил, сохранять возможности для самоопределения, выбора своих действий и поступков... Для человека индустриального общества свобода носит, прежде всего, юридический и экономический смысл, как свобода распоряжаться своими деятельными силами, своей личностью, владеть средствами самостоятельной жизни, обладать возможностью их создания» [1, с. 764–765]. Иначе говоря, ставить и реализовывать свои имманентные цели. Призыв Великой французской революции – «Свобода, Равенство, Братство» – является востребованным уже третье столетие и претендуют стать девизом тысячелетия нашей цивилизации. «В поисках лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой, современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов, как-то: «цивилизованный», «христианский», «западный», отвергнув их по причинам неэффективности и неубедительности. Они остановились на слове «свободный», услышав в его звучании самый вдохновенный всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни» [2, с. 75–76].

Ленин В. И. еще в 1919 г. утверждал, что «капитализм и против нас выдвинет знамя свободы». И, как показало время, был прав. Действительно, политика большевиков, задача которой была сформулирована достаточно откровенно: «ликвидировать эксплуататорские классы», – не могла не восприниматься как нарушение свободы личности. Преследование социальных слоев, лишенных собственности, было алогичной целью, так как гражданская война этими условиями была проиграна, и разумнее было бы поставить вопрос о национальном примирении.

В категориальном смысле свобода – это социальный феномен, который выступает объектом внимания не только философии, но и других дисциплин – политологии, психологии, социологии, этики, экономики и т.д. Однако свобода интересует их с точки зрения ее прикладного применения, проявления и влияния как на общество в целом, так и на отдельного индивида. Недостаточная разработанность социально-философских аспектов проблемы свободы личности и границ этой свободы, необходимость осмысления общефилософских и общенаучных представлений о свободе целей и стремления к свободе обосновывают тему данной статьи.

Анализ исследований и публикаций. Литература, посвященная свободе, практически необъятна и представлена трудами мыслителей самых различных школ и направлений от античности до наших дней. В целом можно говорить о нескольких вариантах философского осмысления свободы. 1. Фаталистический

подход (Аристотель, Марк Аврелий, Сократ, Эпикур; средневековые философы – Августин Блаженный, Фома Аквинский; теософы – Н. К. Рерих, А. И. Клизовский). 2. Субъективистский подход (волюнтаризм А. Шопенгауэра, философия жизни А. Бергсона, Ф. Ницше, экзистенциализм Н. Аббаньяно, А. Камю, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса). 3. Гносеологическое измерение проблемы свободы (Р. Декарт, Б. Спиноза, представители немецкой классической философии, марксизм, советская философия – И. В. Бычко, В. П. Голубенко, В. Е. Давидович, Э. В. Ильенков, Р. И. Косолапов, К. М. Никонов, Т. И. Ойзерман, Н. И. Рубцов, Л. В. Скворцов). 4. Онтологический ракурс в анализе свободы (Б. Б. Кадомцев, Р. Б. Калмыков, А. И. Лисин, В. Н. Самченко). 5. Аксиологический подход, который выглядит наиболее перспективным в исследовании свободы на сегодняшний день (И. И. Булычев, А. В. Каримов, В. В. Козловский, И. И. Логанов, А. Г. Мысливченко, Н. Б. Черемин). Специфика этого подхода заключается в утверждении свободы как ценности и цели индивидуальной и социальной жизни, утверждении свободы в качестве мощного центра всех экономических, правовых, политических и конституционных прав-свобод. 5. Отдельным пунктом следует выделить пристальное внимание к проблеме свободы и ее антропологизацию в современном естествознании. Примечательно, что идея физиков начала XX века о том, что квантовые свойства микрочастиц каким-то образом связаны со свободой воли человека, и «электрон летит, куда хочет – у него свободная воля» (П. Дирак), а также близкие по смыслу высказывания А. Комптона, П. Иордана, Д. Джине, А. Эддингтона, В. Гейзенберга, Н. Бора, Э. Шредингера, привели представителей точных наук к необходимости дискуссии с философами в более широком контексте: как возможно совместить наши представления о свободе с тем, как устроен мир. С одной стороны, известно, что каждое событие имеет свою причину, поэтому можно предположить, что то, что происходит сегодня, предопределено событиями прошлого. С другой стороны, есть представление, что мы способны сами инициировать некие действия, которые могут изменить будущее. Метафизическая проблема свободы воли – это проблема соотношения между каузальным порядком, то есть, тем, что все события детерминированы, и тем, что мы совершаем свободный выбор или свободное действие. И это не абстрактная проблема, ибо на представлениях о наличии свободы построены воззрения о личности и ее ответственности.

Цель статьи – проследить эволюцию смыслов категории «свобода», степень ее вписанности в здравый смысл в актах самореализации личности, а также осмыслить скрытую связь свободы и диапазона целей, которые являются решающими в той или иной модели образа жизни человека.

Изложение основного материала. Острые дискуссии вокруг понятия свободы не затихают уже много столетий. В истории философии вопрос о свободе и необходимости сводился в основном к проблеме свободы воли. Метафизический материализм эту проблему решить не смог, ибо не двинулся дальше про-

тивопоставлення свободи – необхідності, доведя це протипоставлення до взамоисключаемости.

Более успешную попытку связать свободу и необходимость предпринял Г. Гегель: «Свобода, не имеющая в себе никакой необходимости, и одна лишь голая необходимость без свободы суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения. Свобода существенно конкретна, вечным образом определена в себе, и, следовательно, вместе с тем необходима» [3, с. 143].

Осознание необходимости, однако, автоматически не ведет к свободе, а стимулирует на основании этого постановку целей, познание и реализация которых и есть один из моментов всеобщего процесса превращения необходимости в свободу через деятельность.

Реализация свободы невозможна без целеполагания и предполагает осуществление главных целей человечества. В свою очередь, достижение определенного уровня свободы становится возможностью для движения вперед, для постановки качественно новых целей. То есть, цель, целеполагание и свобода взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако, экскурс в становлении данных категорий и дешифровка исторических смыслов, закодированных в них, не столь очевидны на уровне здравого смысла, и часто в интерпретации различными направлениями и школами в философии принимают прямо противоположные утверждения.

Так, например, американский философ-неотомист Ф. Адельман и французский философ-постструктуралист П. Рикер утверждают, что, если быть логически непротиворечивым, то цель как категория, характеризующая стремление субъекта, не может быть применена к истории, поскольку тем самым отрицается субъективный характер исторического процесса [2, с. 73].

Основатель школы критического реализма неопозитивист К. Поппер считает, что «будущее зависит от нас самих, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость» [4]. Во введении к первому тому своей работы «Открытое общество и его враги», размышляя о свободе и равенстве, гуманизме и разумности, он называет историческую необходимость «историческим пророчеством», что, по его мнению, целиком находится за пределами научного метода. Ибо ни одна социальная наука не способна дать безапелляционные пророчества (прогнозы на будущее). Здесь мыслитель вступает в спор с теми социально-философскими учениями, которые придерживаются противоположной точки зрения. В частности, критикует расистскую, фашистскую философию истории, с одной (правой) стороны, и марксистскую философию истории, с другой (левой) стороны: «Они настаивают ... на том, что уже открыли законы истории, позволяющие им пророчествовать о ходе истории, ... что задача науки вообще состоит в том, чтобы делать предсказания, ... строить для них более прочные основания, и что, в частности, задача общественных наук состоит в том, чтобы обеспечивать нас долгосрочными историческими предсказаниями» [Там же]. Подобные социально-философские учения Поппер обозначил термином «историцизм» и считает, что истори-

цистская метафизика освобождает человека от груза ответственности: если вы убеждены, что некие события обязательно произойдут, то что бы вы ни делали против этого, можете со спокойной совестью отказаться от борьбы с этими событиями.

То есть, возможности познания общественной жизни (знание законов общественного развития) можно, согласно К. Попперу, получить только в терминах ограниченных гипотез. По убеждениям ученого, это связано с выбором неверного основания в интерпретации истории: в случае расизма/фашизма в основе - тезис о биологическом превосходстве одной расы над другими, и ход истории тогда есть не что иное, как борьба между расами за власть; в марксизме – в основании экономические законы, которые представляют всю историю как результат процесса классовой борьбы за экономическое превосходство.

На наш взгляд, критика К. Поппером марксизма некорректна. С точки зрения выбранного марксистской философией основания – концепция вполне логична и последовательна. Свобода индивида в материальном и духовном плане есть высшая ценность и цель этой концепции. То, что эта теория была неверно понята политиками и в искаженном виде воплощалась в социуме, методология ответственности не несет. Если и критиковать марксизм, то только за скрытое игнорирование субъективных целей в пользу глобальных общественных целей.

Для того, чтобы ставить и реализовывать свои цели, человек должен не «примысливать» своего существования, а быть твердо уверенным в реальности существования мира и его познаваемости: «Софистика этой теории так очевидна, что нелегко разбирать ее. Если мы «примыслим» себя, то наше присутствие будет воображаемое, а существование земли до человека есть действительное. На деле быть зрителем раскаленного, к примеру, состояния земли, человек не мог, и «мыслить» его присутствие при этом есть обскурантизм, совершенно такой же, как если бы я стал защищать существование ада доводом: если бы я «примыслил» себя, как наблюдателя, то я мог бы наблюдать ад» [5]. Исходя из этого, можно сказать, что следует ориентироваться на конкретный фактический анализ ситуации. Только таким образом понимание человеческого познания и целесообразной деятельности людей конкретизируется, выражаясь в форме здравого смысла и определенной научной позиции.

Достаточно влиятельными были и остаются в современной философии волюнтаристские представления о свободе воли и стремление к этой свободе. Предтечами этих мотивов были А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. Весьма характерным примером волюнтаристического отношения к свободе и причинности является классический прагматизм, представители которого откровенно заявляют, что они «штурмуют» принцип причинности. В прагматизме свобода воли приобретает характер авантюризма, а в реализации целей предлагается руководствоваться «инстинктом». Активность часто трактуется как жажда наживы и власти, а методы и средства не подвластны моральным оценкам.

Один из создателей прагматизма В. Джемс пишет, что стремление человека – это его единственная реальность. Мы можем предположить существование реальности, физического мира, но никаких заслуживающих доверия доказательств его действительного существования у нас нет и быть не может. В. Джемс отрицает возможность проникновения, а значит и использования в целесообразной деятельности мира сущностей, для него это некий недоступный науке идеальный мир. Он утверждает, что мы не знаем каков мир в действительности, не можем знать его внутреннего смысла, уподобляясь в этом смысле комнатным собакам: «Они ежеминутно присутствуют при внешнем течении событий, внутренний смысл которых совершенно закрыт для их ума» [6]. И все же следует оценить четкость познавательного сомнения В. Джемса не только в данном тезисе, но и концептуально, что всегда было плодотворно в философии.

Философский прорыв В. Джемса, благодаря которому он вышел из затяжной депрессии, был связан именно с проблемой свободы воли. В. Джемс пребывал некоторое время в замешательстве, размышляя над тем, есть ли у человека реальная свобода воли, или все действия людей предопределены генетически и зависят от влияния окружающей среды? Он обнаружил, что убеждения в предопределенности жизни делают его пассивным и беспомощным, а убеждения относительно свободы воли позволяют ему обдумывать выборы, активно действовать и планировать. Описывая мозг как «инструмент возможностей», он решил, что его первым актом свободной воли станет решение поверить в нее как в индивидуальную реальность и созидательную мощь. Это было осознание того, что различные убеждения имеют разные последствия.

Утилитарный подход прагматизма к знанию выражается в установке В. Джемса: любую проблему, сколь бы абстрактной и метафизической она ни казалась, ставь в непосредственное отношение к целям, нуждам и запросам отдельного человека. «Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнение, а не другое? Если мы не в состоянии найти никакой практической разницы, то оба противоположных мнения почти одно и то же, и всякий дальнейший спор здесь бесполезен» [Там же]. Безусловно, В. Джемс не столько философ, сколько выдающийся психолог. Принимая во внимание то, чего он добился в осознании себя и своего отношения к жизни, можно сказать, что он показал отличный пример обманчивой и нереальной идеи собственного существования.

К экспериментам прагматизма с субъективными реальностями не остались равнодушны экзистенциалисты, акцентирующее свое внимание на уникальности и иррациональности бытия человека, которое невыразимо на языке понятий (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, А. Камю, М. Мерло-Понти, К. Ясперс и др.). Выделив в качестве изначального и подлинного бытия само переживание, экзистенциализм понимает его как переживание субъектом своего «бытия-в-мире». Базовый тезис философии существования связан с категорией свободы. Мыслители этого направления полагают, что человек сам

свободно выбирает свою сущность и становится тем, кем он себя делает, ибо человек – это постоянная возможность, замысел, проект. Он делает свободный выбор и одновременно несет полную ответственность за этот выбор. Свобода есть главная ценность и составляет смысл человеческого существования. Учитывая, что внешней свободы нет, а есть только внутренняя, экзистенциализм противопоставляет свободу необходимости и анализирует ее как тяжелое бремя, которое человек должен нести. Человек, по Ж.-П. Сартру, обречен на свободу. Он выбирает неизбежно даже тогда, когда не хочет выбирать. Поэтому свобода есть мучительная необходимость – резюмирует эпоха экзистенциализма. Конечно, человек может отказаться от своей свободы, но тогда он перестанет быть самим собой, отречется от себя, как от личности. Пока мы не совершаем поступки, мы не знаем, каковы мы на самом деле. Только личные акты поведения говорят человеку о его истинных качествах. «Даже чувства, на которые пытается сослаться человек при выборе, есть порождение поступка, который мы совершаем. В этом смысле Ж.-П. Сартр игнорирует проблему мотивов, внутреннего состояния души. Он считает его несущественным, разделяя прагматическое представление о морали, в соответствии с которым мы судим о человеке по следствиям его дел, а не по его замыслам» [7].

Человек, по Ж.-П. Сартру, – бесполезная страсть. Это умозаключение связано с тем, что экзистенциализм в XX веке возрос на почве пессимистического взгляда на технический, научный и нравственный прогресс, обернувшийся кошмаром мировых войн и тоталитарных режимов. Война с фашизмом стала эпохой расцвета экзистенциализма. В своей основе экзистенциализм — это неконформизм, призывающий личность делать выбор в сторону истинных человеческих ценностей. Основная проблема экзистенциализма – проблема духовного кризиса, в котором оказывается человек, и того выбора, который он делает, чтобы выйти из этого кризиса. Признаками кризиса могут быть такие понятия, как страх, «экзистенциальная тревога», тошнота, скука. «Человеку открывается вдруг зияющая бездна бытия, которая раньше была ему неведома, когда он жил спокойно, прозябая в сутолоке повседневных дел. Теперь покоя нет, остался только риск решения, которое не гарантирует успеха» [8]. Это и есть «подлинное существование», спокойно-трагическое в мире религиозного экзистенциализма и безнадежно трагическое в мире атеистического экзистенциализма.

Таким образом, экзистенциализм, разрывая сущность и существование человека, абсолютно противопоставляя субъективное и объективное, свободу и необходимость, настаивая на том, что существование всегда предшествует сущности, пытаясь избежать и материализма, и идеализма, все же внес значительный вклад в развитие философских подходов к человеку как личности, к выявлению его сущности и особенностям формирования такой ценности, как свобода.

Безусловно, экзистенциализм прав в том, что любой подход к проблеме соотношения цели и свободы предполагает серьезное исследование проблемы лич-

ности. Но в современной философии по сей день можно встретить крайне абстрактное решение проблемы личности, которое, в частности, сводится к описанию конкретных форм его функционирования.

Причину этого американский интеллектуал, один из основоположников леворадикального направления в западной социологии Р. Миллс усматривает в следующем: «Жизнь в обществе изолированных друг от друга, социально инертных людей вселяет в человека неуверенность и способствует развитию чувства собственного бессилия: такая жизнь заставляет людей ощущать какое-то беспокойство и неясную тревогу» [9]. В результате человек теряет веру в свои силы, чувствует бессмысленность своего существования. Это питательная почва для пессимизма в понимании целеполагания и свободы.

Другой известный социолог А. Тоффлер объясняет, что назвал современное общество «обществом одноразовых стаканов» потому, что в нем перемены происходят гораздо быстрее, чем человек успевает их осознать: «Перемены создают совершенно новый климат и набор проблем. Изменение организационной структуры ведет к сокращению отношений человека и любой организации. Человек должен постоянно менять ориентиры. Современный человек слишком часто переходит из одной подчиненной структуры в другую. Но даже если он остается на том же самом месте, сам отдел перестраивается согласно быстро меняющемуся табелю о рангах, и его положение в общем лабиринте изменяется» [10, с. 140]. Ответом на это могла бы стать унификация целей и снижение их коррективности. Человек всегда соотносит свои цели со своим положением в обществе, которое он стремится сделать стабильно оптимизирующимся, хотя это не всегда получается.

Дестабилизация отношений человека и организаций приводит к утере связи индивидуальных целей человека с общественными, к потере уверенности в возможности коррективного воздействия на общественные цели. Ответным ходом человека может стать его демарш в избирательной компании, когда на выборах индивид голосует против тех, кто в данное время находится у власти. Однако, пришедшая к власти оппозиция, - это смена персоналий, а не социальной обстановки.

Значение свободы для современного человека и трудности в ее поиске Э. Фромм, основатель гуманистической психологии, описывает так: «...современный человек, освобожденный от оков до индивидуалистического общества..., не приобрел свободы в смысле реализации его личности, то есть реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого» [11, с. 3].

Многообразие точек зрения свидетельствует о действительной сложности проблемы целей в контексте свободы воли и позволяет вычленивать некоторые базовые положения:

1) позиция индивида в современном обществе характеризуется выражением замкнутости личности, крахом ее целей, расколом внутреннего мира, вторжением туда социума в качестве внешней мотивации, что дезориентирует человека в отношении собственных целей и форм проявления свободы воли;

2) разнополярные трактовки проблемы указывают на отсутствие системного исторического подхода к проблеме целеполагания и свободы;

3) недостаток информационной полноты социальных связей и взаимодействий с возможностями материального производства, а также учет их коррективного воздействия на целеполагание, требует принимать в расчет это при анализе вопроса;

4) отсутствие социального идеала, который, в лучшем случае, характеризуется как функция, в худшем – как проблема выбора без критериев, не способствует взаимной корректировке цели и средств как условия реализации свободы целеполагания.

Технологическое общество конца XX – нач. XXI вв., сделавшее в своей социальной, политической и экономической жизни ставку на исключительную роль рационально-логической инструментальности, оказалось перед лицом неконтролируемого потока целей, суть которых – инверсия целей и средств. Хрупкий мир индивидуального целеполагания оказывается под прессом стандартизирующего воздействия целей социума, которые стали превращаться во все более развитый и могущественный мир средств. Логика мира средств отрывается от логики целей человека и живет по своим законам, и этот отрыв выражается в потере истинных целей, их подмене симулякрами – «копиями», знаками, не имеющими оригинала (означаемого объекта) в реальности. Например, таковыми являются цели потребления и сфера непропорционально огромного предложения. И проблема заключается не в росте материальных средств, а в неконтролируемости их функционирования, когда цели, ради которых средства задействуются, теряют свою связь с ценностями, логикой социума и его историей. Это коллизии с такими не редуцируемыми принципами человеческого бытия, как гармония с природой, разумность потребностей, которые приносят удовольствие, не должны разрушать человека, сокращать его жизнь, лишать его свободы и счастья. То есть, традиционные ценности бытия людей с ростом материальных средств не должны утрачивать свой гуманистический «трансцендентный» пафос и содержание. Не следует также допустить, чтобы вездесущий дух рекламы вырывался из-под контроля, культивируя и воспитывая антигуманные цели и искусственные потребности, эксплуатируя и консервируя пороки.

Инверсия целей и средств формально предполагает успех в технической оснащенности всех сторон материальной жизни, мировой уровень научно-технического прогресса, но реально сопровождается

девальвацией культурных ценностей и социальной значимости личности.

Огромную опасность таит в себе отставание законотворчества от целетворчества, порядок превращается в антипорядок, ибо жизнь творит порядок, но порядок бессилён сотворить жизнь. Кроме того, ничто не должно мешать функционированию естественных и традиционных форм регуляции взаимоотношений в социуме, например, морали, церкви и т. д.

Современные информационные технологии и их распространённость заставляют под иным углом зрения посмотреть на соотношение цели, средств, целеполагания, свободы. «Технизированное мышление» само по себе не имеет собственной цели. Если ранее сам поиск информации во времени, на протяжении которого индивид самонаполнялся знанием и вырабатывал индивидуальную методичку своих познавательных усилий, был самодостаточным, то современная унификация процесса ведёт к потере ощущения социальности знания. На первый взгляд об этой утере не стоит жалеть, но только на первый, если поставить цель выработать *homostandart* с функционированием по типу «запрос-получение информации-использование», но у человека есть свой путь: «цель – средство-результат». Если цель и средство меняются местами, то под угрозой оказываются общечеловеческие модели поведения, мышления, стиля жизни, подавляется психология индивида, которая становится рецессивной по отношению к доминантной технической казуальности. Современный технизированный практицизм поощряет «полноту специалиста» в ущерб широте культуры личности. Совершенно очевидно,

что новые технологии, позволяя ставить грандиозные «гетерогенные» цели, фактически блокируют функции многих традиционных гуманистических ценностей. Выход состоит в том, что вместо простого приспособления средств к целям, следует моделировать ситуацию так, чтобы цели выбирались сообразно доступным средствам.

Выводы. Таким образом, если средства становятся самопричиной, то возникает кризис в их развитии, сущностная природа средств не может самоуправляться. Это может сделать только внешняя им социальная сила – культура, принципы которой традиционно формулируются столь широко и глубоко, что в них находят отражение фундаментальные нужды социума и всего сущего. Кроме того, в содержательном смысле в наше время одна культура не в состоянии противостоять инверсии цели и средств, необходима моральная ответственность, как в стадии постановки цели, так и в сфере ее реализации через адекватные средства. Любая попытка поставить средства вне критериев гуманистической морали оборачивается значительными интеллектуальными потерями, а порой и регрессом в культуре. В единстве культурных и моральных критериев-противоядие против ограничения целей в пользу самодовлеющих средств.

Следует также отметить, что рефлексия смысла коллизии соотношения целей и средств невозможна без творчества. Смысл творчества в целеполагании предполагает в качестве одного из «измерений» осознанную ответственность субъекта целеполагания за результаты творчества, а это и есть свобода в ее предметном и личностном выражении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный философский словарь / Подобщ. ред. В. Е. Кемерова. – М. : Академический Проект, 2004. – 864 с.
2. Ниринг С. Свобода: обещание и угроза. Критика культы свободы / Скотт Ниринг: [пер. с англ. Константинова Ф. В.]. – М. : Прогресс, 1966. – 192 с.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук: В 3 т.: Т. 1. Наука Логика / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. – М. : Мысль, 1974. – 452 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). Т. 1. Введение / Карл Поппер. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448с. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://baguzin.ru/wp/?p=9464>.
5. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В. И. Ленин. – М. : Изд-во политической литературы, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rulit.me/books/materializm-i-empiriokriticizm-read-91603-1.html>.
6. Джемс В. Многообразие религиозного опыта / Вильям Джемс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://e-libra.ru/read/150541-mnogoobrazie-religioznogo-opyta.html>.
7. Федюшин А. Проблема свободы в философии Ж.-П. Сартра. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://rushist.narod.ru/files/saint_work/art/art_43.htm.
8. Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В. Экзистенциальная философия // Философия: справочник. – М. : АСТ: СЛОВО, 2000. – 672 с.
9. Миллс Ч. Р. Властвующая элита / Чарлз Райт Миллс. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.historylib.org/historybooks/Mills-R_Vlastvuyushchaya-elita/84.
10. Тоффлер А. Футурошок / Алвин Тоффлер: [пер. с англ.]. – СПб. : Лань, 1997. – 464 с.
11. Фромм Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм: [пер. с англ.; общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича]. – М. : Прогресс, 1989. – 272 с.

Рецензенты:

Осинов А. О., д-р филос. наук, профессор;
Лубський В. І., д-р филос. наук, профессор.

© Гавеля В. Л., 2016

Дата надходження статті до редколегії – 30.09.2016